

А затем, спустя тысячу лет, этот невыносимый мерзавец — его вечно опаздывающий хозяин — с усмешкой возник перед ним, принялся соревноваться в искусстве владения мечом и отпускать гадкие шуточки. Ни тени раскаяния за то, что заставил ждать целую вечность, — лишь пара небрежных смешков, чтобы спустить всё на тормозах.

Он смотрел на своего хозяина и едва заметно улыбался.

Так даже лучше. Ты остался прежним, таким, каким он тебя запомнил. Ты всё так же позволяешь ему следовать за собой, и этого более чем достаточно.

А тысячелетнее ожидание? Всего лишь затянувшийся сон. Сон развеялся, и он снова готов отправиться вслед за своим несносным хозяином, чтобы вместе переверачивать этот мир вверх дном.

Они больше не проронили ни слова. Ито Идзуми не был мастером красноречия, а Цзун Цин привыкла отпускать колкости по любому поводу.

Тем временем в лесу, куда Асаха ушел, чтобы скрыться от людей из-за своего дара видеть духов, появились незваные гости. Несколько оммёджи в белых охотничьих одеждах незаметно окружили его.

Асаха настороженно огляделся, напоминая зверёныша, лишившегося защиты матери:

— Кто вы такие?

— Мы пришли забрать вас, — голос говорившего был мягким и вежливым, но в нём сквозило неприкрытое пренебрежение.

Такое же пренебрежение Асаха видел в самом начале, когда только прибил к Цзун Цин. Так столичная знать всегда смотрела на тех, кого считала невоспитанным отребьем.

Цзун Цин никогда не утруждала себя великодушием. Чаще всего ей даже не нужно было шевелить пальцем — она мгновенно лишала жизни нескольких человек, и пренебрежение в глазах остальных тут же сменялось ужасом.

Именно из-за её необузданной жестокости о ней вскоре пошла такая слава, что даже свирепые демоны могли лишь позавидовать. И те, кто нанимал её, больше не смели смотреть свысока — в их глазах оставались только страх и смятение.

У Асахи не было такой чудовищной силы, как у Цзун Цин, и, будучи слабой стороной, он решил, что это пренебрежение можно использовать себе на руку.

Он невозмутимо коснулся пояса, где висел короткий меч, подаренный Цзун Цин. В последнее

время он использовал его в основном как утяжелитель для тренировок. Сделав вид, что напуган, он спросил:

— Забрать меня? Что это значит?

— Разве ваша мать вам не говорила? — мужчина тихо рассмеялся. — Вы ведь старший молодой господин клана Асакура!

— Какой еще клан Асакура! — Асаха крепче сжал рукоять меча. — Моя мать — Асаноха.

— Выдуманнные имена — разве это такая уж редкая вещь? — ласково улыбнулся мужчина.

Асаха изобразил крайнюю растерянность, но в следующее мгновение выхватил меч и, подкрепив удар ещё не слишком отточенной техникой оммёдо, бросился в атаку.

Оммёджи с лёгкостью развеяли его мощное, но сырое заклинание и, не скрывая презрения, приготовились отразить удар мечом. Однако они не учли одного: хоть мастерство Асахи и оставляло желать лучшего, сам клинок был невероятно хорош. Меч разрубил не только защиту оммёджи, но и, по инерции ударившись о землю, оставил в ней воронку радиусом в два метра.

Воспользовавшись замешательством врагов, Асаха бросился наутёк, бросив меч — он был слишком тяжёлым, чтобы бежать с ним далеко. Он понимал, что эти люди не отступят, но если они снова его найдут, то Цзун Цин сама заберёт своё оружие. Главное — успеть добежать до неё, там он будет в безопасности.

Хоть он и не хотел признаваться, но в глубине души Асаха считал Цзун Цин сильнейшей в мире. И, честно говоря, он не ошибался: в этом мире не нашлось бы никого, кто смог бы её одолеть.

Асаха добежал до гостиницы, тяжело дыша.

Оммёджи вскоре настигли его. Один из них, разъярённый тем, что какой-то мальчишка разрушил его магию, бросил вдогонку несколько мощных талисманов. Но те, не долетев до Асахи, бессильно осыпались на землю.

На втором этаже распахнулось окно. Цзун Цин, лениво облокотившись на подоконник, с любопытством заглянула вниз и, приподняв бровь, спросила:

— Малыш Асаха, что это за зверьё за тобой увязалось?

Асаха, задыхаясь от бега, больше не чувствовал страха. Раз рядом Цзун Цин, эти люди уже практически мертвецы.

Главный оммёджи сделал шаг вперёд, снова одарив их вежливой улыбкой, в которой сквозило высокомерие:

— Мы пришли забрать молодого господина домой. Просим вас, не вмешивайтесь в чужие дела.

Цзун Цин, подперев подбородок рукой, смотрела на него с полуулыбкой.

Ито Идзуми не стал ждать. В мгновение ока он взмахнул мечом — голова оммёджи описала дугу в воздухе и упала на землю, а обезглавленное тело покачнулось и рухнуло, заливая всё вокруг кровью.

Наедине с Цзун Цин Ито Идзуми мог пререкаться, ворчать или делать холодные предупреждения, создавая видимость равенства. Но на самом деле он всегда был её теньвым стражем. Пусть он не придерживался формального этикета — да и с характером Цзун Цин это было невозможно, — его главной целью всегда оставалась её защита.

Любой, кто проявлял к ней враждебность, становился его личным врагом. Если бы ему пришлось позволить Цзун Цин самой мारать руки о таких ничтожеств, он счёл бы это своей профессиональной непригодностью.

Взгляды Ито Идзуми в остальном были вполне нормальными, но когда дело касалось Цзун Цин, он был готов на всё. Даже если бы потребовалось убить стариков, женщин или детей, он сделал бы это без колебаний.

Оммёджи, будучи людьми не из простых, не испугались убийства и тут же перешли в контратаку. Ито Идзуми спрыгнул из окна, обнажив клинок, вокруг которого клубилась чёрная аура смерти.

В конце концов, он был могущественным призраком.

Лица оммёджи наконец вытянулись. Одной концентрации этой тёмной ауры было достаточно, чтобы понять: этот противник им не по зубам.

Цзун Цин зевнула, с тоской наблюдая за тем, как они тратят её время.

Асаха в этот момент шагнул вперёд и спросил:

— Вы сказали, что моя мать из клана Асакура. Что это значит?

Ито Идзуми бросил на него взгляд и притормозил, собираясь нанести удар. Это были семейные дела, и он решил не вмешиваться.

Оммёджи, облегчённо выдохнув, поспешили ответить:

— Ваша мать — старшая дочь клана Асакура. Её изгнали из дома за то, что она забеременела вне брака. Но недавно глава клана передумал и приказал нам вернуть вас!

Ещё минуту назад они смотрели на него свысока, а теперь перешли на вежливый тон? Асаха усмехнулся. Его дар видеть духов, который невозможно было отключить, ясно доносил до него их истинные мысли.

<http://bllate.org/book/20834/2099553>